

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.7>UDC 94(47)06-07
LBC 63.3(2)51Submitted: 01.10.2024
Accepted: 25.12.2024

SELF-IMMOLATION OF PEASANTS IN TOPSA OF 1746 IN LIGHT OF NEW DATA

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to one of the tragic episodes in the history of the Old Believers in the Russian North in the 18th century – the Topetskaya fire of 1746, during which about a hundred peasants of the Topetskaya, Kurgomenskaya, Konetsgorskaya, and Zaretskaya volosts of the Vazhsky district self-immolated. *Method and materials.* The author introduces new archival data into academic circulation and analyzes them and also uses for comparison information about the burnt peasants contained in the materials of the third revision of 1762. The article provides a comparative analysis of investigative documents and materials from state descriptions of the Podvinskaya chetvert' of the Vazhsky district for different years. The analysis conducted with materials previously unused for this purpose revealed new, important details concerning this tragic event. *Analysis.* Previously, it was only possible to write about the total number of peasants involved in the tragedy. Only two peasants of the Kurgominskaya volost and one peasant of the Konetsgorskaya volost were known by name (and the family connections between them were not established); now the data of the third revision made it possible to identify the participation of peasants of the Zaretskaya boyarshchina in the events and, in relation to the peasants of the Kurgominskaya volost, who were the main subject of the study, to analyze the personal composition of the burnt peasant families and to trace the family connections of the participants in the fire. *Results.* Peasants perished in families, several generations at once. Entire branches of once large peasant families were at one moment destroyed; meanwhile, their related families, who did not take part in the burning, continued to develop. Women played an active role in leaving to burn. Children usually went with their parents or older brothers. But the self-immolation of a brother did not automatically entail the death of another brother if they were adults (not children). Taking these circumstances into account allows us to reach a deeper level of understanding of peasant life in the Russian North in the mid-18th century.

Key words: Old Believers, self-immolations, Topsa, Kurgomen, Churakovys, Philippians, Zotik Venediktov.

Citation. Vovina-Lebedeva V.G. Self-Immolation of Peasants in Topsa of 1746 in Light of New Data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 65-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.7>

УДК 94(47)06-07

Дата поступления статьи: 01.10.2024

ББК 63.3(2)51

Дата принятия статьи: 25.12.2024

ТОПЕЦКАЯ ГАРЬ 1746 г. В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одному из трагических эпизодов в истории старообрядчества на Русском Севере в XVIII в. – Топецкой гаре 1746 г., в ходе которой произошло самосожжение около сотни крестьян Топецкой, Кургоминской, Конецгорской и Зарецкой волостей Важского уезда. *Метод и материалы.* Автор вводит в научный оборот новые архивные данные и анализирует их, а также использует для сравнения сведения о сгоревших крестьянах, содержащиеся в документах третьей ревизии 1762 года. В статье предпринят сравнительный анализ следственных материалов и государственных описаний Подвинской четверти Важского уезда за разные годы. Проведенный анализ с ранее не использованными для этой цели источниками выявил новые важные подробности, касающиеся этого трагического события. *Анализ.* Если

раньше можно было написать только об общем числе крестьян, участвовавших в трагедии, поименно были известны только два крестьянина Кургоминской волости и один крестьянин Конецгорской волости (и родственные связи между ними не были установлены), то теперь данные третьей ревизии позволили выявить участие крестьян Зарецкой боярщины в тех событиях, а в отношении крестьян Кургоминской волости, которые были основным предметом исследования, проанализировать персональный состав сгоревших крестьянских семей, проследить родственные связи участников пожара. *Результаты*. Крестьяне гибли семьями, сразу по несколько поколений. Целые ветви некогда больших крестьянских семей были в один момент уничтожены, между тем родственные им семьи, которые не приняли участие в гари, продолжали развиваться. Активную роль в уходе на сожжение играли женщины. Дети обычно уходили с родителями или старшими братьями. Но самосожжение брата не влекло автоматически за собой смерть другого брата, если они были взрослыми (не детьми). Учет этих обстоятельств позволяет нам выйти на более глубокий уровень понимания крестьянской жизни на Русском Севере середины XVIII века.

Ключевые слова: старообрядцы, самосожжения, Топса, Кургомень, Чураковы, филипповцы, Зотик Венедиктов.

Цитирование. Вовина-Лебедева В. Г. Топецкая гарь 1746 г. в свете новых данных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 65–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.7>

Введение. Вопрос о самосожжениях староверов XVIII в., в том числе в 1740-х гг., исследовался начиная с XIX в. [24]. В последние десятилетия отметим важнейший вклад, внесенный Е.М. Юхименко [27], краткий обзор событий 1746 г. на р. Топсе, сделанный В.И. Щипиным [26], посвященные самосожжениям староверов книги М.В. Пулькина [20; 21] и Е.В. Романовой [22; 23].

В литературе уже отмечалось, что среди крестьян в XVIII–XIX вв. имело место пассивное сопротивление официальной церковной культуре [19]. Духовные росписи Подвинской четверти Важского уезда показывают такую же картину еще в николаевское царствование [4]. Можно указать на изложение своей жизни крестьянином-старовером Степаном Чураковым [13]. Единственным фактом открытого сопротивления официальной церкви и государству в Подвинской четверти остается Топецкая гарь.

События в Топсе и соседних волостях в 1746 г. являлись частью большой волны самосожжений, прокатившейся по Русскому Северу с начала 1740-х гг. [20; 23]. Сохранившиеся отчеты властей и их переписка дают возможность получить дополнительные данные по истории крестьянских семей указанных волостей, если приобщить сведения из государственных описаний к материалам разыскного дела. Трагедия 1746 г. позволяет лучше понять, каковы были внутрисемейные отношения крестьян и взаимные отношения между крестьянскими кланами данной местности.

Методы и материалы. Население северных волостей было устойчивым по составу, что может способствовать составлению крестьянских родословных [3; 5; 6]. Для истории Топецкой гари представляют интерес вторая ревизская перепись 1745 г. [7] и третья ревизия 1762 г. [25]; в последней сохранились сведения о крестьянах, учтенных в 1745 г., но умерших к 1762 году. В начале XX в. было опубликовано краткое изложение отчета о происшествии 1746 г. на р. Топсе из фонда Синода [15]. В литературе по истории старообрядчества имеются ссылки на это издание [26]. Само архивное дело, датируемое промежутком 28 ноября – 14 июля 1747 г. [18], содержит гораздо больше важных подробностей. Еще один вариант сходных по составу материалов находится в РГАДА [14].

Е.В. Романова смотрела материалы в РГАДА, М.В. Пулькину были знакомы оба варианта. Но они специально не занимались именно Топецкой трагедией [20, с. 29]. Е.В. Романова включила Топецкую гарь в свой «Перечень массовых самоубийств» [23, с. 259] и привлекла извлечения из архивных материалов, когда исследовала «погребальную обрядность» в ходе подготовки самосожжений [23, с. 235–236] и роль наставников как организаторов массовых самоубийств [23, с. 196].

Для нас особую ценность имеют показания, данные во время следствия крестьянином Афанасием Чураковым, а также его дальним родственником Василием Чураковым, единственным спасшимся на пожаре.

Сравнение показывает, что в материалах РГИА присутствует более подробное изложение допроса Афанасия Чуракова, чем в деле из РГАДА, поэтому будем в основном опираться на них.

Анализ. В первые годы царствования императрицы Елизаветы Петровны в Подвилье появились староверы, покинувшие Выговскую общину из-за конфликта с ее руководителями. Они становились организаторами гарей. На левом берегу р. Двины в Черевковской волости в 1742 г. сгорел 21 крестьянин (наставником оказался выходец из Выговской общины); через год недалеко от Черевково по прибытии военной команды из скита показался старец, сказавшийся выходцем из Выговской Даниловской обители, отказался сдаться и поджег избу, в которой сгорело 19 человек. В декабре того же года в Уфтиюжской волости в одной из деревень сошлось 64 крестьянина, которые подожгли избу; в октябре 1753 г. крестьяне собрались в избах на р. Ентале, уговоры сдаться привели лишь к тому, что началась гарь, в которой сгорело 170 человек [24, с. 91–93; 26, с. IV; 20; 23].

Все случаи объединяют наличие учительства (в двух случаях с Ваги), укреплявшего присутствующих, и другие общие черты. Начало следствию о событиях на р. Топце положили сведения, поступившие в Сенат и Тайную канцелярию от десятских священников: Кургоминской волости Марка Никитина и Топецкой волости Матвея Тимофеева, которые донесли в Важескую канцелярию Подвинской четверти о том, что начиная с 1742 г. дворцовые крестьяне вышеуказанных волостей, а также их жены и дети стали уходить неведомо куда без паспортов; их родственники пытались отговориться тем, что это недолгие отлучки «за своими нуждами» или же «Богу помолиться». Мы не знаем из сохранившихся материалов, как быстро собрались крестьяне в лесном скиту на р. Топце. Поскольку в 1745 г. шла ревизская перепись, сказки о крестьянах могли быть затребованы именно в связи с ней, отсюда и стандартные ответы.

Понятно, почему все началось в Топце и Кургомени именно в 1742 г., ведь как раз 14 октября (уже после ссоры с Семеном Денисовым, раскола в Выговской обители и ухода оттуда) старец Филипп (Фотий Васильев),

основатель филипповского беспоповского согласия, сжег себя вместе с 70 последователями в скиту на р. Умбе. После самосожжения Филиппа его последователи старались укрыться в том числе в Черевковской волости.

Посланным в Кургоминскую и Топецкую волости нарочным было велено действовать вместе с соцким Нижней трети Подвинской четверти и расспросить родственников («каждого порознь при отцах их духовных, не разглашая о том никому»), известно ли им, ушедшие крестьяне «не на воровствах ли где обретаются» и «не имеется ли где в лесах жительства и воровским людем пристанища». Итак, подозрение о расколе возникло не сразу. По ходу расспросов выяснилось, что у некоторых матери и жены, у других братья и дети отлучились не только якобы молиться Богу, но и «со своей пахотой для продажи к городу Архангельскому и в прочие места, а иные за скудостию скитаются в мире» [18, л. 8 об.]. Однако согласно показанию, сделанному уже после гары Василием Чураковым, «до собрания в тое избу, как он, Чураков, слышал, те расколщики жили в лесах, а в тое избу когда собрались не знает, однако ж слышал, что в нынешнем 746-м году» [18, л. 11 об.].

Во время сыска «расколщиков» на стан в Борецкой волости пришли из Топецкой волости «выборные два человека» и объявили: «Во оной-де Топецкой волости собрались в одну избу пришедшие из лесу, а прочие отлучившиеся ныне от домов Топецкой, Кургоминской и Конецгорской волостей мужеска и женска полу, людей семьями множественное число», наставником их был Зотик Бенедиктов. Всего в избе оказалось 89 человек. Крестьяне объявили, что если избу начнут ломать, то они сожгутся. Присланные нарочные оказались в затруднении. Им шли приказы действовать уговорами и захватить запершихся живыми, не допустить самосожжения¹. Чтобы те не разбежались и для недопущения прихода в избу новых крестьян, к ней приставили караул в 40 человек, правда, также из староверов, и стали ждать дальнейших указаний. Власти не вдавались в психологическое состояние людей, решившихся на самосожжение, и слали указания, что нужно уговорить их выйти добровольно, не проявлять «озлобления», избы не ломать, не препятствовать доставке в

избу пропитания. Еду, как следует из дела, ста- роверам носили окрестные крестьяне, передавая ее через окна [18].

Караул вокруг избы требовалось держать скрытно «и не во близости, дабы оные не видели и знания об оном не имели». Однако устроить это оказалось невозможно, «понеже де онай келья имеется на горе высокой на едине и к лесу в кулиге², и на все стороны из оной видно, и с одной стороны жылье на версту, а з другой лес на пол версты, и ежели учредить в далном растоянии караул, то и наиболше во вную келью доволное число сойдется с великою охотою, и удержать им будет никак невозможно, понеже-де и ныне великое отгонение имеется» [18]. Уже вечером 16 октября крестьяне из избы присланным за ними «чи- нили как от ружья польбу, так и копием коло- тье», утверждая, что «за прекращением веры их по преданию святых древних отец, страдание принять готовы» [18]. Такое положение сохранялось весь октябрь и ноябрь.

К декабрю в Важский уезд по указу из Сената была отправлена военная команда из Архангельска, чтобы «пушущих заводчиков... заклепав в кандалы отправить на ямских под- водах за безопасным канвоем в Санкт Петербург в Тайную канцелярию», а прочих «держать в Архангельске под караулом в Двинской крепости до указа, никого к ним не допускать, не давать им писать, и если кто-нибудь из них будет кричать или говорить непристойные речи, класть им в рот кляп». Команда прибыла в лес 6 декабря; согласно донесению капитана, он начал «кувешевать» собравшихся, те попросили времени подумать и тут же зажгли избу. Пожар не смогли потушить, погибли все, кроме одного человека. Василий Чураков высунулся из окна, и его вытащили солдаты, находившиеся снаружи. Затем команда прошла по р. Топсе к другой избе, где также при их приближении сожглись четыре человека.

Официальные материалы проливают свет на несколько семейств Кургоминской волости, которые принадлежали к одному из старейших крестьянских родов – роду Чураковых. Что касается наставника Зотика Венедиктова, его фигура и взглядения могут стать темой отдельного исследования, и здесь мы специально на ней останавливаться не будем³.

Все, что мы знаем о нем, сводится к известию, что он был выходцем из Даниловского Выговского скита [18, л. 1–4 об.; и др.]. Однако Зотика Венедиктова нет в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова, умершего за два года до рассматриваемых событий [8], в которой перечислены известные выговские старцы. Из показаний Василия Чуракова следует, что его мать познакомилась с Зотиком незадолго до событий осени 1746 года. После самосожжения в Топсе наставника было велено искать и прислать «за крепким караулом» в Архангельск и митрополиту [18, л. 32], однако его не смогли обнаружить и нет оснований считать, что он уцелел после гари.

Василий Чураков показал, что грамотными из сгоревших, кроме Зотика Венедиктова, были только два человека: крестьяне Федор Пигахин и Корнило Чураков. Именно они (а также Арефа Чураков) разговаривали из окна с посланными уговаривать их сдаться «пищиком» Подосеновым и солдатом Теремецким. Последние со слуха имя Корнилы услышали как «Кирило», и именно так оно фигурирует во всех документах дела. То, что это был именно Корнило Чураков, подтверждается ревизскими материалами. Как показал Василий Чураков, уже находясь запертymi в избе, «оные Пигахин и Чураков от правоверия их отвращали, а учили расколнической прелести», и «отправляли они утренние и вечерние пение и часы, а другого церковного действия никакова не было» [18; 14, л. 12]. Если все остальные крестьяне были неграмотными, они должны были проникнуться идеями староверия с чужих слов. Троє же грамотных, видимо, были знакомы с книгами, которые почитали староверы, например, с Кирилловой книгой и другими текстами [24, с. 89], отчего называли никониан «арменами» [1, с. 85, 102–105; 9, с. 250; 10, с. 266–270; 11]⁴.

Привлеченный к уговорам священник Федот из шенкурского Троицкого девичья монастыря, присланный архиепископом Архангелогородским Варсонофием, также не преуспел. Запершимся крестьянам предлагалось, чтобы они «от душегубного намерения» отказались и вместо этого записывались на основании императорского указа 1744 г. «при нынешней ревизии в двойной с расколниками

оклад», чтобы потом «жили безбоязненно» [18, л. 3]. В ответ они дали неожиданно рациональное объяснение, что «за оставлением домов своих и пожитков понести им оного окладу не можно». И хотя им было обещано, что их пожитки будут сохранены и двойной оклад будет на них возложен не сразу, это не изменило дела. Крестьян убеждали записаться в подушный оклад «при нынешней ревизии». В целом 2-я ревизия происходила в 1743–1747 гг., дополнительные сказки подавались до 1756 года. И примерно в эти же временные рамки помещаются все указанные выше массовые самосожжения. Вероятно, та торопливость, с которой действовали власти и ответом на которую стали гары, была связана с необходимостью поскорее собрать ревизские сведения, а для этого следовало вернуть разбежавшихся крестьян.

Одной из основных и поистине трагических фигур среди участников Топецкой гары оказался крестьянин Кургоминской волости Афанасий Чураков. 7 октября 1746 г. он явился в Важскую канцелярию и донес о собравшихся в избе, в лесу на р. Топсе, крестьянах. О себе он сообщил, что «лет десять назад» женился и перешел жить в Борецкую волость с матерью, женою и детьми. До этого кургоминский крестьянин Арефа Чураков показал, что «мать ево Авдотью Иванову дочь в прошлом 744-м году взял из дома от него брат ево Арефы родной тое ж Кургоминской волости крестьянин Афанасей Чураков для житья в дом к себе в Борецкую волость, у которого-де в том 744 и 745 году и жила безотходно» [18, л. 8]. Таким образом, Арефа (один из тех, кто разговаривал из окна с нарочными) оказался братом Афанасия, и мы узнаем также имя их матери.

Расспросы крестьян дают и другие сведения. Крестьянин Борецкой волости Василий Юровский в допросе показал, что Афанасий Чураков в апреле 1746 г. продал ему тяглой жеребей и хоромное строение, после чего вместе с домашними (женою и детьми), взяв скарб и скотину, объявил, что они пошли «на прежнее жилище в Кургоминскую волость». Однако в Кургомень он не явился, а его рогатый скот через неделю оказался у крестьян Борецкой волости Федоса Парфенова и Максима Гагарина, причем Парфенов говорил,

«что оной Чураков з домашними живет в лесу, оной Подвинской четверти по Топце реке» [18, л. 7–14].

Очевидно, какое-то время Афанасий жил с семьей в скиту на р. Топсе, но потом покинул его и отправился с доносом к властям, что было нетипичным поступком и нуждается в осмыслении. Им было показано, что от роду ему 43 года и «в нынешнем 746 году маия в последних числах из оной Борецкой волости с матерью своею Авдотьею з женою Татьяной, детми сыновьями Корнилом двадцатилетным, Федосеем осмннатцатилетным, Матфеем шестнадцатилетным, дочерьми Домникой двенадцатилетной, Анной двулетной и с пришедшим к нему неведомо откуду мужиком Зотием Венедиковым» продал дом и землю Василию Юровскому, а скот Федору Зверинкину⁵ и Максиму Гагарину. После этого они «поплыли в карбасу, сказавшись яко б на прежнее жилище в Кургоминскую волость» (что подтверждает показания Василия Юровского) «и отплыв от оной Борецкой волости Двиною рекою немалое число, оставя карбас, пошли в лес». Они пришли «по впадающей во оную Борецкую волость речке Телде и в нее по впадающей же маленкой речке Водопойке в лес, близ оной речки имеющейся со стоящей от оной Борецкой волости, например, как в пятнадцати верстах и в построенной оным Зотием прежде оного походу келии жителство имеют» [18, л. 7–14].

Действия Афанасия Чуракова на первый взгляд кажутся странными. Так, он не скрывал своего староверия и признавался, что «имеет он желание молитца Богу иправлять по старопечатным книгам и креститца двуперстным сложением, что и исправляли, понеже он исправление по новопечатным книгам и креститься троеперстным сложением и в крещении и в прочем священнослужении ходить противу солнца на восток, и в постановлении и во имении на церквях и в церквях ныне четвероконченого креста признает противность и имеет сумнение» [14, л. 1 об.; 18, л. 10]. «Сомнение» это зародил в нем, видимо, не только неизвестный ему до того «музык». Оказывается, что старший сын Афанасия Корнилий и был одним из трех грамотных крестьян, которые стали инициаторами гары. Следовательно, можно предположить именно

его влияние и на свою семью, и на родного дядю Арефу Чуракова.

Для власти показания Афанасия Чуракова имели большое значение. Сразу вслед за тем в Борецкую волость, а затем на Топсу были направлены нарочные, которые собрали понятых, прибыли на место, увидели избу, в которой нашлись все в разное время ушедшие из своих деревень жители Топсы, Кургомени, Конецгорья и пр. Нарочные были посланы для изъятия «расколнических книг и из них выписок», имевшихся у Зотика Венедиктова, о которых сообщил Афанасий, и для «привозу оного, також матери, жены и детей объявленного Чуракова, в расколе имеющихся, в Важенскую воеводскую канцелярию». Итак, прежде всего, пока не было получено указа сверху, речь шла о задержании не всех староверов, только Зотика Венедиктова и семьи Афанасия Чуракова. И хотя прямо об этом не сказано, можно предположить, что именно спасение (даже вопреки их воле) матери, жены и детей от добровольной смерти и было той целью, которую преследовал Афанасий своим доносом. Не исключено, что об этом существовала какая-то договоренность, хотя в деле она не отражена. Возможно, до прихода в лесную избу Афанасий не предполагал, что способом очищения, о котором ему говорили грамотные люди, окажется самосожжение. На месте же все указывало на это, поскольку изба была обложена соломой и вениками и закрыта «заплотами» [14, л. 17–17 об.], да и сами староверы, в том числе его старший сын, не скрывали своих намерений.

Можно только представить те душевные терзания, которые в итоге заставили отца семейства бросить близких и самовольно отправиться доносить на них. В тот же день 7 октября нарочные и Афанасий Чураков (последний под стражей) «для показания означенных имеющихся в лесу жителства и кельи» были посланы на место, что и дало толчок всем изложенным выше событиям, имевшим трагический финал [18, л. 7–14]. В дальнейшем, «по объявлении им в лесу келии», Афанасия предполагалось отослать под караулом назад, в воеводскую канцелярию. Но все случилось иначе. Мы не знаем, как долго Афанасий находился под стражей и как он вел себя, прибыв на место. Очевидно одно: его было

велено стереть, но предотвратить побег не удалось. В другом месте рапорта сказано, что Афанасий «ис-под караула крестьянского бежал, которого же потом видели в запертой келье обще з запершимися расколщики... Почему упомянуто, что и оной Чураков згорел же». Власти, впрочем, долгое время не были уверены в гибели Афанасия вместе с семьей и еще в феврале 1747 г. считали, что смерть его не доказана и нужно продолжать поиски. В конце концов в Архангелогородской губернской канцелярии было объявлено, что «тот Афонасей Чураков... с помянутыми расколщиками в избе згорел...» [18, л. 39 об.]. Оказавшийся его дальним родственником Василий Чураков после гари также не знал, жив тот или же нет и где находится, но утверждал, что «в вышеозначенной-де избе оного Афанасия не было» [14, л. 19, 22 об.]. В материалах третьей ревизии Афанасия Чуракова мы не находим.

Материалы государственных описаний дают возможность понять, с какой стороны Афанасий и Арефа Чураковы (в материалах следствия указано имя их отца – Федос) принадлежали к роду Чураковых [3; 6]. Василий Чураков показал, что «Кургоминской волости крестьянина Афонасья Федосеева сына Чуракова» он знал, потому что тот лет десять назад «живал в одной с ним волости недалеку от него Чуракова и ему де Чуракову был в свойстве, токмо в дальнем». Поскольку расспрос шел уже после совершившейся гари, Василий подчеркивал, что «он Афонасей Чураков к нему Чуракову так и он Чураков к тому Афонасью не для чего не хаживали и знакомства никакова между собою они не имели» [14, л. 19; 18, л. 27].

В 1745 г. в д. Артемовской был записан Арефа Федосеев сын Чураков 28 лет (с сыновьями Василием 3 лет и Павлом 30 недель⁶), а также его брат Иван 21 года [7].

Ранее в 1717 г. в д. Артемовской был записан их отец Федос Герасимов 46 лет с сыном Арефом 4 лет. Поскольку ланддратская перепись составлялась, чтобы проверить предыдущие описания, в ней указывались прошлые жители двора и отмечено, что Федос был ранее крестьянином д. Гавриловской, где остался его пустой двор. Его брат Степан и дочь Евдокия, а также первая жена Марья Ивано-

ва к этому времени умерли. В 1717 г. у него была уже вторая жена Евдокия, и сын Арефа (а позднее Иван), скорее всего, были от этого брака [2, с. 231]. В 1710 г. в том же дворе были записаны Федосей Герасимов с женою Марьей Ивановой и дочерью Евдокией, а также его старший брат Степан «сорока пяти годов, болезнен». А за год до этого, в 1709 г., была указана и причина болезни Степана: во дворе записан «Федосей Ерасимов» 30 лет, и про брата сказано, что у него был свой двор, который запустил именно в 1709 г., «оттого, что он вне ума, а живет во дворе у брата своего Федосея» [2, с. 199].

Однако ни в одном из этих описаний не указан сын Федосея по имени Афанасий. Он должен был родиться примерно в 1710 г. или даже ранее. Можно предположить причину его отсутствия в переписи 1717 г.: либо он жил где-то в другой волости, например, у родственников матери (такие случаи встречаются), либо был скрыт от переписи (несмотря на все строгости, в условиях которых она проходила). Свой возраст крестьяне указывали приблизительно; так, по данным второй ревизии, Афанасию в 1745 г. было 36 лет, а в своих показаниях через год он сам указал свой возраст как 43 года. Мы знаем только, что его старший сын Корнило был в 1746 г. взрослым: отец указывал его возраст в 20 лет, и это подтверждается тем, что Корнило пользовался уважением как грамотный и вместе с дядей разговаривал от имени других крестьян с нарочными. Остается смириться с тем, что причина отсутствия Афанасия Чуракова во второй ревизской переписи пока не ясна.

Так или иначе, он должен был какое-то время жить с отцом и братьями в Кургомени, в д. Артемовской. В материалах следствия он назывался кургоминским крестьянином, хотя в 1745 г. был записан уже в Борецкой волости, где поселился после женитьбы⁷. Афанасий Чураков показал, что со старой верой его познакомил некий Алексей Яковлев Королев из Архангельска (принадлежавший, как показало следствие, к известной семье Чирцовых [12]), в доме у которого Афанасий бывал для продажи скота. Чирцов, в свою очередь, признался, что Афанасия он знал, так как еще десять лет назад ездил «для покупки сала говяжья в Важеском уезде» и там у отца его

Федосья Чуракова «имел на краткое время квартиру» [18, л. 23]. За два года до Топецкой гары Афанасий забрал к себе мать (видимо, после смерти отца), но поддерживал связь с братьями, во всяком случае, с Арефой, поскольку на р. Топсу отправились с семьями и тот и другой.

Арефа Федотов (Федосов) Чураков упомянут при третьей ревизии как «згоревший в расколе»: сам Арефа, которому было 28 лет в 1745 г., и его сын Василий трех лет (младший сын Павел умер в 1745 г.) [25, л. 209]. Такими же сгоревшими раскольниками обозначена в переписи Борецкой волости семья Афанасия Чуракова, жившая в д. Лашевской: Афанасий Федосиев сын Чураков 36 лет в 1745 г., его сыновья Корнило 18-ти, Федосий 16-ти и Матвей 14 лет [25, л. 403]. Это совпадает с показаниями самого Афанасия о возрасте детей, хотя он упоминал также мать, жену и двоих дочерей. Таким образом, реальная численность семьи (учитывая лиц и мужского, и женского пола) оказалась в два раза больше, чем явствовало из переписи.

Младший же брат Арефы и Афанасия Иван, 21 года в 1745 г. и 38 лет в 1762 г. (в третью ревизию записаны также его сыновья Михаил и Афанасий), по каким-то причинам не пошел гореть вместе с другими членами семьи. Ему была суждена долгая жизнь: во время пятой ревизии 1795 г. при описании д. Артемовской там обозначен Иван Федосьев сын Чураков 54 лет, отпущенный по паспорту и ушедший неведомо куда в 1791 г., а также его дети, продолжавшие жить в его дворе: взрослые сыновья Михаило и Афанасий, три孙女, внучка и правнук [28, л. 441–482].

Если смотреть генеалогию этой семьи вглубь, их отец Федосий Герасимов из д. Гавриловской во время переписи 1677 г. еще не мог быть упомянут, следовательно, можно искать лишь его отца Герасима. Только в одном случае в д. Токаревской были записаны Федка и Гараска Ефремовы [17, л. 151]. А еще ранее, в 1665 г., в д. Токаревской обозначен Герасимко 10 лет, сын Ефремки Алексеева, имевшего там двор [16, л. 405 об.]. Таким образом, семья, большая часть которой сгорела в 1746 г., имела глубокие корни в Кургоминской волости, и прадед Арефы, Афанасия и Ивана Чураковых (их родовое прозвище мы узнаем только

из материалов следственного дела, поскольку в переписях они названы Чураковыми лишь в 1795 г.) значится в самой ранней из сохранившихся переписей этой волости [16].

Мы узнаем также, что в середине XVII в. кургоминский клан Чураковых существовал не только в д. Калининской [3], но и в д. Токаревской, где жил, по-видимому, с какой-то стороны принадлежавший к этому роду Ефремка Алексеев. Прямой связи Ефремки (судя по отчеству) с остальными Чураковыми установить не удается, поэтому, вероятно, был прав Василий Чураков, сообщая на следствии, что с Афанасием Чураковым они были в дальнем свойстве.

Обратившись к участию в гари Василия Чуракова, отметим, что в материалах дела он обозначен крестьянином д. Песковской [18, л. 19], хотя ни в одной из ревизий в Кургомени такой деревни не значится. В материалах второй ревизии Василий легко находится в д. Калининской (поскольку известно имя его деда Михаила, от которого он с семьей тайно ушел гореть в 1746 г.). Это Василий Петров Чураков, отец которого Петр Михайлов Чураков к тому времени уже умер [7], – деталь, представляющаяся важной, поскольку живой отец должен был или воспрепятствовать самосожжению семьи, или же присоединиться к нему. Петр Михайлов Чураков умер, видимо, еще молодым человеком. В переписи 1745 г. указаны «умершего Петра Михайлова сына дети» Василий и Артемий [7]. Этот Петр Михайлов мог быть или сыном Михаила Никитича Чуракова, которому по переписи 1717 г. было 46 лет, или же сыном Михаила Тимофеева, которому в 1717 г. было 50 лет [2, с. 220, 221; 3]. Оба Михаила между собой были родней, но сыновей по имени Петр ни у кого в 1717 г. не было. Следовательно, Петр Михайлов родился после 1717 г., то есть на момент второй ревизской переписи ему было бы не более 27–28 лет, а поскольку старший сын был тогда записан 16-летним, значит, Петр Михайлов стал отцом в 21 год и вскоре умер. Рано овдовевшая и оставшаяся жить с двумя сыновьями во дворе свекра его жена решила в 1746 г. «спасти» семью тем способом, который был доступен ее разумению.

При допросах Василий постоянно показывал, что «в расколе быть не желает, а же-

лает быть в православной вере греческого исповедания» [18, л. 20 об.], что родился уже после первой ревизской переписи, жил одним двором «з дедом своим тое ж волости крестьянином Михаилою Чураковым и с матерью своею да з братом Артемьевм своим двором и жил он в том дворе сего 746 году до праздника Покрова Пресвятыя Богородицы». Инициатором ухода гореть он называл свою мать Маремьяну Петрову дочь, которая «неведомо через кого уведомилась, что того уезда в Топецкой волости имеютца в собрании расколники, х которым расколником она и ходила, ибо та волость tolko от оной волости в пяти верстах», что соответствует действительности. Вскоре после Покрова мать стала звать его с женой Матроной (Василий в переписи 1745 г. был показан холостым, следовательно, он женился вскоре после нее), братом Артемием и полугодовалой дочерью Марьей с собою, говоря, «что де тех расколников наставник говорит, чтоб крестное сложение слагать двое-перстное, и хотя-де за оное и огнь претерпеть, то-де царствие небесное будет, и притом же ежели не пойдем, налагали на нас свое проклятие» [18, л. 23, 24].

Когда именно Василий и его семья тайно оставили дом и пришли на р. Топсу, точно не ясно, но, вероятно, они оказались в числе тех крестьян, которые присоединились к остальным в последний момент, поскольку Зотик тогда же крестил всех в р. Топсе, и это произошло за день до того, как изба была взята под караул. Из показаний Василия Чуракова стало известно, как была устроена изба изнутри и как вели себя участники гари и наставники [18, л. 26]. Очевидно, Зотик доверял не всем крестьянам, боясь, что они разбегутся, поэтому (а не только из-за действий властей) все двери и ворота были заперты и даже по нужде крестьян выпускали не одних, а в сопровождении. Когда изба загорелась, помимо Василия многие хотели из нее выбраться, но не могли. Василий упоминал, что солдаты сломали ворота и пытались тушить пламя, но безрезультатно, так как не только сама изба, но и двор был заперт несколькими «плотами», и даже, когда вышибли двери, за дверями стоял также «плот» [14, л. 10–10 об.]. Он не видел, кто именно зажег избу, но утверждал, что «во время горения той избы у окон, которые

были поперечинами не укреплены, стояли оной расколник Зотик и другие, а кто имянно, того за дымом познать было невозможно». Сам он, «убоясь... того сожжения», бросился «руками в окно, которое укреплено ж было накось запорами, и ис того окна бывшия при том солдаты ево едва вытащили» [14, л. 12–12 об.; 18, л. 25–25 об.]. Слова Василия подтверждают и другие случаи, когда при гарях двери и окна бывали заколочены и никто не мог спасти, «хотя были желавшие» [24, с. 106, 110, 126–127; и др.].

После гары Василий Чураков неоднократно был допрошен, а в январе 1747 г. их вместе с Алексеем Чирцовым возили в Петербург в Тайную канцелярию, но затем вернули обратно в Архангельск, о чем имеется расписка от 29 мая 1747 г. из домовой консистории Варсонофия, архиепископа Архангелогородского и Холмогорского [18, л. 54]. В итоге Василий был отпущен. Судя по материалам третьей ревизской переписи [25], крестьянин Василий Петров Чураков, в 1745 г. бывший в возрасте 16 лет, в 1749 г. был отпущен из волости по паспорту, но затем в срок не явился, а где находился в 1762 г., неизвестно. Видимо, это и есть Василий Чураков, спасшийся из Топецкой гары, но потерявший всю семью и в итоге ушедший неведомо куда.

Мы можем выяснить, кто еще из кургоминских крестьян погиб в Топецкой гаре. Материалы третьей ревизии Подвинской четверти дошли в двух экземплярах. Один из них находится в Государственном архиве Вологодской области, сохранился фрагментарно (ф. 388, оп. 1, д. 8445), второй в РГАДА [25, л. 196–220]. Кроме семьи Афанасия, Арефы и Василия Чураковых, в Кургомени погибла семья в д. Прокопьевской, состоящая из трех поколений. Глава рода Иван Максимов сын Кузнецов имел на момент гибели возраст 64 года (в 1709 г. ему было 30 лет, и сыновей не было, в 1717 г. 40 лет, жена Прасковья Дмитриева, сын Иван двух лет и две дочери, Анна семи и Прасковья четырех [2, с. 206], записаны везде без родового прозвища Кузнецовых). В 1745 г. у Ивана Максимова записаны сыновья Степан 35 лет и Иван 26 лет [7]. Оба сына были женаты и погибли с отцом и своими собственными семьями, включая малолетних детей. У Степана был сын Никита 10 не-

дель, у Ивана годовалый сын Тимофей. Очевидно, женщины семьи погибли вместе с детьми и мужьями. Дочери Ивана Максимова Анна и Прасковья, если не вышли к этому моменту замуж (им должно было быть уже за 30 лет), вероятно, также погибли. В любом случае сгорело не менее 10 человек – все население двора [25, л. 203 об. – 204].

Следующий случай самосожегшихся в 1746 г. крестьян Кургомени – семья из д. Селивановской. Во время второй ревизии там были записаны два брата, имевших одинаковое имя: Иван Васильев Кузнецов 57 лет (умер в 1745 г.) и его младший брат Иван 52 лет, который «згорел в расколе» в 1746 г. вместе с сыном Макаром 17 лет [25, л. 205]. Возможно, братьев путали, поскольку при ланддратской переписи 1717 г. был записан лишь один Иван Васильев 35 лет, его жена и две дочери. Но кто это – Иван Большой или Иван Меньший, непонятно. Ни один из братьев не указан в описи 1709 и 1710 гг., только их отец Василий Максимов, которому в 1710 г. было 40 лет, а в 1712 г. он умер [2, с. 198, 206, 224–225]. Во время переписи 1677 г. в этой деревне был записан с отцом их дед: «Максимко Фокин, у него сын Васка осми годов» [17, л. 150 об.]. А в 1665 г. в д. Селивановской значился Устинко Фокин, и в нем «брать родной Максимко пятинацати лет» [16, л. 405 об.].

Таким образом, старая, укорененная в волости семья (мы можем проследить ее историю с 1665 г.) дожила до рокового 1746 г., когда одна ее половина погибла. Другая же половина, идущая от старшего Ивана Васильева, уцелела и размножилась. Сын этого Ивана Андрей (14 лет в 1745 г.) обозначен при третьей ревизии 31-летним. Его потомство продолжало обитать в д. Селивановской, и во время пятой ревизии 1795 г. там был записан Андрей Иванов сын Кузнецов 63 лет. Сыновей его, правда, не находим, но в д. Ефремовской была записана жена одного из крестьян по имени Наталья Андреева 30 лет, о которой сказано, что она взята из д. Селивановской и у нее был сын 18 лет; в другом починке записана Марфа Андреева 44 лет, также из д. Селивановской; а в д. Прокопьевской был показан Лука Андреев сын Бурмагин 38 лет, о котором сказано: «Переведен тое ж вол[ости] из д[еревни] Селивановской». Скорее все-

го, это тоже сын Андрея Иванова. Таким образом, то обстоятельство, что юный Андрей Иванов в 1746 г. не пошел гореть вместе с семьей дяди, сохранило род, которому суждена была долгая жизнь. Поскольку отец Андрея к моменту гари умер, дядя был старшим мужчиной в семье, и это означает, что на подростка было оказано какое-то иное, более сильное влияние. Можно, например, высказать догадку, что сына не пустила на Топсу его мать [28, л. 441–482].

В Конецгорской волости единственным случаем было самосожигание упомянутого выше наставника Федора Пигахина. На следствии показывалось, что он был из д. Плеской, но в материалах третьей ревизии в д. Еремеевской записан «Федор Пигахин, высланный Сибирской губернии из Йркуцкой правинции, лета 746 году, будучи в расколе, згорел» [25, л. 190]. Итак, Федор Пигахин был не местным, но оказался в числе организаторов Топецкой гари не случайно, поскольку уже ранее был выслан с прежнего места жительства, возможно, как старовер, хотя это и не отмечено. Как и у Василия Чуракова, у него на следствии было названо такое название деревни, которое нигде более не встречалось.

Анализ материалов третьей ревизии показал, что в Топецкой гари погибли также крестьяне Зарецкой боярщины, хотя она и не была названа в материалах следственного дела среди волостей, крестьяне которых принимали участие в тех трагических событиях. В д. Антоновской там сгорели: крестьянин Сазон Васильев сын Салыкин 36 лет (в 1745 г.), его братья Филат 25 лет и Иван 15 лет, а также сын Филата Корнило 10 недель, разумеется, при этом погибли и женщины, которые просто не были учтены во второй ревизии. Сгорел также Герасим Петров Салыкин 23 лет, видимо, родственник Сазона Васильева. В той же деревне сгорел Степан Фотиев сын Бекетов 55 лет с сыном Никифором 16 лет. Однако Васиан Степанов сын Бекетов 24 лет, также, очевидно, сын Степана Фотиева, но живший отдельно, гореть не пошел и был позднее записан в третьей ревизии 1762 г., будучи в возрасте 41 года [25, л. 221–221 об.].

В починке Рыгалинском погибли Григорий Прокопьев сын Бурмагин 39 лет⁸, его брат Тимофей 14 лет и сын Александр (также 14 лет) [25, л. 222].

В д. Кучинской сгорели Кирило Ильин Силачев 25 лет и его сын Алексей 20 недель [25, л. 224 об.].

В д. Тонгаринской записан крестьянин Иван Сергеев сын Вакорин 41 года, который, как и его сын Михайло 21 года, был «отпущен по паспорту» в 1759 г., в срок не явился и «где ныне находится неизвестно», однако его младший трехлетний сын в 1746 г. «будучи в расколе згорел». Очевидно, что трехлетний ребенок не мог сам отправиться гореть, поэтому здесь незримо присутствует женщина, которая его увела с собой, скорее всего, мать, что и стало, возможно, причиной ухода затем отца вместе со старшим сыном из деревни. В той же деревне сгорел Афанасий Иванов Боровой 15 лет, у которого (что необычно) в 1762 г. записана мать, следовательно, она не сгорела и не была, видимо, инициатором самосожжения старшего сына (у нее еще оставался младший 12 лет, умерший лишь в 1759 г.) [25, л. 227–227 об.].

В д. Леонтьевской сгорел крестьянин Тимофей Семенов сын Силачев 59 лет, но его брат 36 лет и дети этого брата за ним не последовали [25, л. 230 об.].

Как видим, некоторые крестьяне Зарецкой боярщины, сгоревшие в 1746 г., принадлежали к одним и тем же семейным кланам: Салыкиных и Силачевых.

Крестьяне других волостей Подвинской четверти в Топецкой гари не участвовали, и никаких примет того, что в это время они подозрительным образом пропали, не имеется. Можно обратить внимание лишь на запись об одном крестьянине Осерецкой боярщины из д. Берковской: про Гаврилу Иванова Точилова 20 лет сказано, что он «в 748 году по некоторым делом сослан в ссылку», но причина ее не объяснена [25, л. 250 об.].

Число погибших членов семей Афанасия и Василия Чураковых, включая женщин, составило 12 человек. Кроме них мы знаем лиц мужского пола, сгоревших в Кургоминской (10 чел.), Зарецкой (15 чел.) и Конецгорской (1 чел.) волостях, всего 26 человек, которые теперь известны нам по именам. Если учесть, что женщин было более половины из сгоревших крестьян (состав семей Афанасия и Василия Чураковых это подтверждает), то это число нужно как минимум удвоить, что дает

нам, включая семьи Афанасия и Василия, 64 человека.

К сожалению, в материалах третьей ревизии 1762 г., хранящихся в РГАДА, не оказалось данных по Топецкой волости. Поскольку в гаре погибло около ста человек обоего пола, остается пока предположить, что остальные – приблизительно 36 человек – были крестьянами именно Топсы, где и произошла сама трагедия. Топецкая волость была наиболее населенной из волостей Подвинской четверти, поэтому такое соотношение представляется достоверным.

Результаты. Проведенный анализ дополнительных обстоятельств Топецкой гары 1746 г., предпринятый с привлечением ранее не использованных для этой цели источников, позволяет уточнить выводы, касающиеся истории этого трагического события. Если ранее можно было писать лишь об общем числе погибших, а по именам были известны только два крестьянина Кургоминской волости и один крестьянин Конецгорской волости (и родственная связь между ними не была установлена), то теперь данные третьей ревизии позволили выявить участие в тех событиях также крестьян Зарецкой боярщины и проанализировать персональный состав сгоревших крестьянских семей Кургоминской волости. К сожалению, пока не обнаружены и потому не использованы данные 1762 г. по Топсе, волости, из которой погибло наибольшее число крестьян.

Крестьяне гибли семьями, сразу несколькими поколениями. Уничтожались целые ветви часто больших крестьянских родов. Активную роль в уходе гореть играли женщины. Дети обычно шли вместе с родителями или старшими братьями. Но самосожжение брата не всегда влекло гибель другого брата, если они были взрослыми (не детьми), и их потомству могла быть суждена долгая жизнь. Так же старшие члены семьи не всегда гибли вместе с младшими, о чем говорит, например, история семьи Василия Чуракова. Трагедия его дальнего родственника Афанасия Чуракова позволяет понять некоторые механизмы, приводившие крестьян в скит, подготовленный к сожжению.

Несмотря на неточности в сведениях о возрасте крестьян и расхождения в названиях

их деревень, данные государственных описаний подтверждают показания, полученные в ходе следствия по поводу Топецкой гары. Соединение этих источников и их последующая критическая интерпретация дают возможность проследить семейные связи участников гары, протянуть линии крестьянских родов от одного описания к другому, оживить сведения переписных книг и материалов ревизий и выйти на более глубокий уровень понимания крестьянской жизни на Русском Севере в середине XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одним из объяснений, почему нужно следить за тем, чтобы крестьяне не сожгли себя, было то, чтобы «такого немалого числа из дворцовых людей напрасно не погибло». Все волости, о которых идет речь, были дворцовыми, и для властей это, как видно, имело значение.

² Расчищенное от деревьев место в лесу.

³ На эту тему нами подготовлена статья для публикации в 2025 г. в Петербургском историческом журнале.

⁴ Подробнее этот вопрос исследован нами отдельно (см. примеч. 3).

⁵ В показаниях Василия Юрковского этот покупатель назван без прозвища Федосом Парфеновым.

⁶ Девочки и женщины в 1745 г. не учитывались.

⁷ Из его показаний следует, что переселение в соседнюю волость было связано с женитьбой. Это возможно, если он перешел во двор жены. В таком случае это должна быть его вторая жена, и трое старших сыновей по возрасту не могли быть детьми от этого брака, только младшие дочери.

⁸ Здесь и далее указываем возраст крестьян в 1745 г., за год до смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян К. В. История отношений русской и армянской церквей в Средние века. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР. 1989. 155 с.
2. Вовина-Лебедева В. Г. Дворцовая волость Русского Севера в 1710-х годах (по материалам Кургомени) // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 166–248.
3. Вовина-Лебедева В. Г. Деревня Калининская Кургоминской волости в XVII – XVIII вв.: опыт исследования по материалам государственных опи-

- саний // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 75–94.
4. Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о духовных росписях в Российской империи 1 пол. XIX в. как историческом источнике // Актуальные вопросы источниковедения. Т. 2. Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2023. С. 29–31.
5. Вовина-Лебедева В. Г. Петр I и судьбы Русского Севера (по материалам переписных книг Важского уезда первой четв. XVIII в.) // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. М.: Центр гуманит. инициатив, 2022. С. 175–183.
6. Вовина-Лебедева В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 5. С. 96–107.
7. Именная ведомость жителей волостей Подвинской четверти // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 3529. Л. 241–271.
8. История Выговской старообрядческой пустыни, изданная по рукописи Ивана Филиппова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. 480 с.
9. Киприана, смиренного митрополита Киевского и всея Руси, ответ ко Афанасию, вопросившему о некоих потребных вещах // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. С. 244–270.
10. Кириллова книга. М.: Моск. печат. двор, 1644. 588 с.
11. Корогодина М. В. «Сказание об арменской ереси»: опыт изучения мифов // Человек. 2012. № 1. С. 132–137.
12. Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. М.: ОГИ, 2009. 174 с.
13. Крестьянина Степана Васильевича Чуракова повествование о том, где был и что видел, скитаясь по дебрям раскола, и как Божиим милосердием изведен был на путь истины. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1884. 20 с.
14. О крестьянине Василии Чуракове, принадлежавшем к числу раскольников-самосожигателей // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1059.
15. Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. Т. XXVI (1746). СПб.: Синод. тип., 1907. Стб. 522–527.
16. Переписная тягольно-солдатская книга Важского уезда // Архив СПБИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 309.
17. Переписная книга 1677–1680 гг. Важского уезда Подвинской чети // Архив СПБИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 306.
18. По Сенатскому ведению и по доношениям преосвященного Варсонофия, архиепископа Архангелогородского, и Канцелярии тайных разыскных дел о зажегшихся в Архангелогородской епархии Важского уезда Подвинской четверти в Топецкой волости раскольниках // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 27. Д. 333.
19. Пулькин М. В. Господствующая церковь и старообрядчество в XVIII – начале XX в. Проблемы разграничения. По материалам Олонецкой епархии // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3. С. 46–58.
20. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (вторая половина XVII – XIX в.). М.: Акад. проект, 2023. 332 с.
21. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2013. 334 с.
22. Романова Е. В. Массовые самосожжения в старообрядчестве (XVII–XIX века): практика и догматика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 26 с.
23. Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. 287 с.
24. Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVI века до конца XVIII). Исторический очерк по архивным документам. М.: Унив. тип., 1891. 170 с.
25. Сказки о дворцовых крестьянах Подвинской четверти Нижней, Верхней третей Важского уезда. Ч. 1, 2 // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 479.
26. Щипин В. И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М.: Лабиринт, 2003. XLV с.
27. Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683–1684 годов (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М.: Яз. слав. культур: А. Кошелев, 1994. С. 64–119.
28. 5-я ревизия 1795 г. Шенкурской округи. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2700.

REFERENCES

1. Ajvazyan K. V. *Istoriya otnoshenij russkoj i armyanskoy cerkvej v Srednie veka* [History of Relations Between the Russian and Armenian Churches in the Middle Ages]. Erevan, Izd-vo AN Armyanskoy SSR, 1989. 155 p.
2. Vovina-Lebedeva V.G. Dvorcovaya volost Russkogo Severa v 1710-h godah (po materialam Kurgomeni) [Palace Volost of the Russian North in the 1700s]. *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shveciya v XVII–XVIII vv.* [Novgorod Land, Saint Petersburg and Sweden in the 17th – 18th Centuries]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 166–248.

3. Vovina-Lebedeva V.G. Derevnya Kalininskaya Kurgominskoj volosti v XVII–XVIII vv.: opty issledovaniya po materialam gosudarstvennyh opisanij [Kalininskaya Village of Kurgomenskaya Volost' in the 17th –18th Centuries. Experience of Research Based on Materials of State Descriptions]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 4 (28), pp. 75-94.
4. Vovina-Lebedeva V.G. K voprosu o duhovnyh rospisyah v Rossijskoj imperii 1 pol. XIX v. kak istoricheskoye istochnike [On the Issue of Confessional Books in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century as a Historical Source]. *Aktualnye voprosy istochnikovedeniya. T. 2* [Actual Questions of Source Studies. Vol. 2]. Vitebsk, Vitebsk. gos. un-t, 2023, pp. 29-31.
5. Vovina-Lebedeva V.G. Petr I i sudby Russkogo Severa (po materialam perepisnyh knig Vazhskogo uezda pervoj chetv. XVIII v.) [Peter the Great and the Fates of the Russian North (Based on the Census Books of the Vazhsky District of the First Quarter of the 18th Century)]. *Petr Velikij: issledovaniya i otkrytiya. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya* [Peter the Great: Research and Discoveries. On the 350th Anniversary of the Birth]. Moscow, Centr gumanit. iniciativ Publ., 2022, pp. 175-183.
6. Vovina-Lebedeva V.G. Skladyvanie krupnyh krestyanskih rodov na Russkom Severe po materialam gosudarstvennyh opisanij Vazhskogo uezda XVII – pervoj poloviny XVIII v. [Formation of Big Peasant Clans in the Russian North Based on the State Descriptions of the Vazhsky District from 17th to Early 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 96-107.
7. Imennaya vedomost zhitelej volostej Podvinskoy chetverti [Nominal List of Residents of the Volosts of the Podvinskaja Quarter]. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangelskoj oblasti (daleye – GAAO)* [State Archive of the Arkhangelsk Region], f. 1, inv. 1, vol. 3, d. 3529, l. 241-271.
8. *Istorija Vygovskoj staroobryadcheskoj pustyni, izdana po rukopisi Ivana Filippova* [History of the Vygovskaya Old Believer Hermitage, Published According to the Manuscript of Ivan Filippov]. Saint Petersburg, Tip. tov-va «Obshchestvennaya polza», Izdanie D.E. Kozhanchikova, 1862. 480 p.
9. Kipriana, smirennogo mitropolita Kievskogo i vseya Rusi, otvet ko Afanasiyu, voprosivshemu o nekoih potrebnyh veshchah [Cyprian's, the Humble Metropolitan of Kyiv and All Rus', Answers to Athanasius, Who Asked About Some Necessary Things]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6* [Russian Historical Library. Vol. 6]. Saint Petersburg, 1880, pp. 244-270.
10. *Kirillova kniga* [Kirillova Book]. Moscow, Moskovskiy pechatnyy dvor, 1644. 588 p.
11. Korogodina M.V. «Skazanie ob armenskoj eresi»: opty izuchenija mifov [“Tale of the Armenian Heresy”: Experience in Studying Myths]. *Chelovek* [Human], 2012, no. 1, pp. 132-137.
12. Krestinin V.V. *Kratkaya istoriya o gorode Arhangelskom* [Brief History of the City of Arkhangelsk]. Moscow, OGI, 2009. 174 p.
13. *Krestyanina Stepana Vasilevicha Churakova povedovanie o tom, gde byl i chto videl, skitayas po debryam raskola, i kak Bozhiim miloserdiem izveden byl na put istiny* [Peasant Stepan Churakov's Story about Where he was and What he Saw while Wandering through the Wilds of Schism, and How, by God's Mercy, he was led onto the Path of Truth]. Moscow, Tip. E. Lissner i Yu. Roman, 1884. 20 p.
14. O krestyanine Vasilii Churakove, prinadlezhavshem k chislu raskolnikov-samoszhigatej [About the Peasant Vasily Churakov, Who Belonged to the Number of Schismatic Self-Immolars]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (daleye – RGADA)* [Russian State Archive of Old Acts], f. 7, inv. 1, 1746, d. 1059.
15. *Opisanie dokumentov i del, hranyashchihsya v Arhive svyatejshego pravitelstvuyushchego Sinoda. T. XXVI (1746)* [Description of Documents and Files Stored in the Archives of the Holy Governing Synod. Vol. 26 (1746)]. Saint Petersburg, Synodal. tip., 1907, col. 522-527.
16. Perepisnaya tyagolno-soldatskaya kniga Vazhskogo uezda [Book on Taxes and Soldiers of 1665 in Vazhsky Uyezd]. *Arhiv SPbII RAN* [Archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 115, inv. 1, d. 309.
17. Perepisnaya kniga 1677–1680 gg. Vazhskogo uezda Podvinskoy cheti [Census Book of the Podvinskaja Quarter of the Vazhsky Uezd of 1677–1680]. *Arhiv SPbII RAN* [Archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 115, inv. 1, d. 306.
18. Po Senatskomu vedeniyu i po donosheniym preosvyashchennogo Varsonofiya, arhiepiskopa Arhangelgorodskogo, i Kancelyarii tajnyh rozysknyh del o szhegshihhsya v Arhangelgorodskoj eparchii Vazheskogo uezda Podvinskoy chetverti v Topeckoj volosti raskolnikah [According to the Senate's Jurisdiction and the Reports of His Grace Varsonofy, Archbishop of Arkhangelsk, and the Office of Secret Investigative Affairs on the Schismatics Who Were Burned in the Arkhangelsk Diocese of the Vazhesky District of the Podvinsky Quarter in the Topetskaya Volost]. *Rossijskij gosudarstvennyj*

- istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive], f. 796, inv. 27, d. 333.
19. Pulkin M.V. Gospodstvuyushchaya cerkov i staroobryadchestvo v XVIII – nachale XX v. Problemy razgranicheniya. Po materialam Oloneckoj eparhii [Dominant Church and the Old Believers in the 18th– Early 20th Century. Problems of Delimitation. Based on Materials from the Olonetsk Diocese]. *Vestnik TGU. Seriya «Istoriya»* [Science Journal of Tver State University. History], 2016, no. 3, pp. 46-58.
20. Pulkin M.V. *Samosozhheniya staroobryadcev (vtoraya polovina XVII – XIX v.)* [Self-Immulations of Old Believers (Second Half of the 17th– 19th Centuries)]. Moscow, Acad. proekt Publ., 2023. 332 p.
21. Pulkin M.V. *Samosozhheniya staroobryadcev (seredina XVII – XIX v.)* [Self-Immulations of Old Believers (Mid-17th – 19th Centuries)]. Moscow, Un-t Dm. Pozharskogo, 2013. 334 p.
22. Romanova E.V. *Massovye samosozhheniya v staroobryadchestve (XVII–XIX veka): praktika i dogmatika: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Mass Self-Immulations in the Old Believers (17th – 19th Centuries): Practice and Dogma. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2005. 26 p.
23. Romanova E.V. *Massovye samosozhheniya staroobryadcev v Rossii v XVII–XIX vekah* [Mass Self-Immulations in the Old Believers in 17th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo Europ. un-ta, 2012. 287 p.
24. Sapozhnikov D.I. *Samosozhhenie v russkom raskole (so vtoroj poloviny XVI veka do konca XVIII)*. *Istoricheskij ocherk po arhivnym dokumentam* [Self-Immolation in the Russian Schism (From the Second Half of the 16th Century to the End of the 18th Century). Historical Essay Based on Archival Documents]. Moscow, Univ. tip., 1891. 170 p.
25. Skazki o dvorcovyh krestyanah Podvinskoy chetverti Nizhnej, Verhnej tretej Vazhskogo uezda. Ch. 1, 2 [Lists of the Palace Peasants of the Podvinskaya Quarter of the Lower, Upper Third of the Vazhsky District. Pt. 1, 2]. *RGADA* [Russian State Archive of Old Acts], f. 350, inv. 2, d. 479.
26. Shchipin V.I. *Staroobryadchestvo v verhnem techenii Severnoj Dviny* [Old Believers in the Upper Reaches of the Northern Dvina]. Moscow, Labirint Publ., 2003. XLV p.
27. Yuhimenko E.M. Kargopolskie «gari» 1683–1684 godov (k probleme samosozhhenij v russkom staroobryadchestve) [Kargopol “Burnt-Outs” of 1683–1684 (On the Problem of Self-Immolation in Russian Old Believers)]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)* [Old Believers in Russia (17th – 18th Centuries)]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., A. Koshelev, 1994, pp. 64-119.
28. 5-ya reviziya 1795 g. Shenkurskoj okrugi [5th Revision of 1795 Shenkursk District]. *GAAO* [State Archive of the Arkhangelsk Region], f. 51, inv. 11, vol. 2, d. 2700.

Information About the Author

Varvara G. Vovina-Lebedeva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Deputy Director on Academic Cooperation, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaja St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Информация об авторе

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научному сотрудничеству, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>